

Бийской линии мы видели сами девицу, имевшую 64 сантиметра, или почти один аршин, в плечах и поднимавшую, по словам отца, до 12 пудов. Это потомки алтайских раскольников, о которых мы когда-нибудь будем вести речь.

Самое мрачное время миновало для Алтая с освобождением подзаводского населения 19 февраля 1861 года. Алтай переживает еще переходную эпоху, но заря новой жизни уже золотит вершины его прекрасных гор более светлыми лучами будущего. Отовсюду в плодоносные долины Алтая спускаются трудолюбивые переселенцы-колонисты, стекаясь со всех сторон земли русской и ища здесь приволья после тяжкого малоземелья. Приветливы эти луга, бесконечны пространства, душисты и ароматичны травы, весело и ярко светит на них божье солнце, сует трудолюбивая пчела и несет пахучий мед в раскинувшиеся сотнями гор, шахматами красуются эти поля, наливаются пышно колос на девственной почве, дающей огромные урожаи. Да будет благословен новый труд твой, русский пахарь; надо же снять тебе когда-нибудь полную жатву!

8 мая 1880 г.

Журнал «Русское богатство», 1880, № 8.

СТРАННИК НА ЗОЛОТОМ ОЗЕРЕ

(Из путешествий по Алтаю)

Величественные, девственные леса покрывают весь юго-восток Томской губернии, они тянутся по всему Кузнецкому и восточной части Бийского округов. Здесь начинается пустыня, пред которой еще останавливается русская колонизация.

В 1880 году мы двинулись в эту пустыню. Проезжая по лесным тропинкам этих дебрей, мы были приятно изумлены разнообразием растительности. Осина, береза, рябина, тополь, черемуха перемежались в пестрой зелени. Когда из долины р. Наймы, цветущей и покрытой сочными травами, мы совершили через горы перевал к Поспоулу, нас окружили огромные кедровые деревья, травы, папоротники и репей, которые поднимались выше роста человека, сидящего на лошади.

Дикий хмель обвивал деревья, подобно лианам. Среди кедров и сосен разрастались рябина, акация, бузина; кусты черемухи, смородины, малины свешивали гроздь своих ягод. Местами выступал чистый лиственный лес. Когда мы поднимались на перевал, нас окружали прелестные парки из тополей, берез, сосен; зелень была свежая и сочная, эта зелень живописно сбегала по склонам. На вершине перевала шел дождь, и мы увидели радугу, опрокинувшуюся аркой, опершейся на соседние горы; вдали синели

вершины хребтов и выдвигалась сопка одного из них — величественного Чаптагана.

По дороге к Телецкому озеру, среди черни, мы следовали по узкой и грязной тропинке, которую заграждают буреломы, колоды, ручьи, иногда каменные болота, так что всадник должен преодолевать различные препятствия.

Чудное волшебное озеро, которого с трудом достигают путешественники, но достигнув которое они испытывают неимоверное наслаждение неожиданных впечатлений, однако еще не появлялось перед нами, оно было скрыто от нас декорацией гор и темными лесами.

Мы находились в небольшой деревушке на отдыхе, с мыслями и мечтами о дальнейшем путешествии. Мысли наши бродили около заколдованного озера. До сих пор это озеро пустынно, и над ним витает только миф и таинственная легенда.

«Когда-то на это пустынное озеро зашел человек, рассказывают инородцы, он был голоден и искал пищи, искал людей, но людей не было; в руках этого человека был огромный кусок золота, но золото было бесполезно в этой пустыне, и он не мог на него купить несколько зерен ячменя. Тогда этот голодный человек, поняв все бессилие металла, доведенный до отчаяния, в бешеной злобе бросил драгоценный кусок в темные волны глубокого озера и проклял его».

Миф этот, полный своего философского смысла, объясняет название Золотого озера, или Алтын-Коль. Мрачные дикие скалы до сих пор негостеприимны для человека. Над ними как будто стоит еще тень несчастного скитальца, подобно бродячему призрак блуждая в туманах.

В 18 верстах от озера находится, однако, небольшое миссионерское селение Кебезень с жалкими избами и шалашами крещеных инородцев, здесь же помещается церковь и дом миссионера, почтенного старца, который, кроме духовных врачеваний, лечит окружающее население от зобов, давая настой грецкой губки. Этот первый оседлый стан переполнен сбродным людом: торгашами, обруселыми татарами, разными спекулянтами и хищниками черни, здесь же живут некоторые русские рыбопромышленники, ловящие на Телецком озере прекрасную рыбу, давно известную по вкусу, но доселе не определенную наукой. Зовут эту рыбу «сельдью», но на самом деле это не сельдь, а бог знает что! Словом, рыба вкусная, а до остального нам дела нет.

Кебезень — это последнее селение по направлению к Телецкой пустыне, но и до него добраться — надо совершить экспедицию, перебираться через лесные тропинки верхом, изредка останавливаясь в жалких деревушках инородцев. Среди прекрасных плодосных долин гнездятся только пасеки (пчельники) и отважные пасечники, борющиеся с медведями, в большинстве же все пространство еще покрыто молчаливыми лесами, высокими мохнатыми сопками, бурными горными реками и производит подавляющее ощущение дикой природы.

В Кебезени мы чувствовали себя уже совершенно отчужденными от мира. Завтра мы будем в совершенной пустыне вдали от суеты, от житейских волнений, от горьких житейских драм, измучивших душу. Пора дать отдых нервам! В это-то время, когда мы смотрели на эти синеющие вершины гор, постоянно уходявшие в туманной дымке и легко тронутые фиолетовыми отблесками, когда мы любовались на тихое движение пурпуровых облаков, как ожерелья обнимавших вершины и пики, прислушивались к бурливому рокоту несущейся горной реки и отдавались новому живительному чувству, предчувствуя веяние великой врачующей природы, в это время, как бы по следам за нами, до нашего слуха еще раз достиг крик жизни.

Жители маленькой Кебезени гуторили и таинственно передавали необычайное событие, которое услышали и мы. Оказалось, что около деревни взят был неизвестный, беспаспортный, который сам явился и предъявил о своем существовании. Он объявил сверх того, что у него украден паспорт и деньги. Рассказ его возбудил крайнее недоверие во всех жителях, и личность казалась подозрительной. Слушая эти рассказы, я думал, кто бы мог забрести сюда.

Авантюрист, мелкий спекулянт, искавший наживы среди простодушных дикарей-инородцев, или известный в Сибири бродяга, проторяющий путь себе с Нерчинска в далекую, но милую ему Россию? Но что его загнало сюда, на бродяжеский тракт в середине людной, заселенной Сибири? Бродяга смело идет по сибирским деревням и питается подаванием хлебообильных сибирских сел. Если это сбившийся с пути путник, в таком случае положение его здесь безотраднo!

Во всяком случае, ввиду общего внимания, я желал его видеть. Приготовляясь встретить беглеца и ожидая фантастического рассказа, на что весьма способны ссыльные, я готов был приняться за раскрытие обмана и помочь жителям разъяснить загадочное происшествие. Жители уверяли, что на пустынной дороге, вблизи мирных инородцев не могло быть совершено у него кражи. Я также знал, что инородцы честны и страшатся хуже всего подобных обвинений, зная тяжесть следствия. Заседатель сюда даром не приедет.

Симпатии мои были во всяком случае не на стороне неизвестного.

Недоумение мое увеличилось, когда я узнал, что незнакомец явился не один, но с мальчиком и лошадьо. Когда его привели ко мне, я был озадачен его видом и фигурой и скоро узнал знакомый тип, не оставлявший никакого сомнения.

Несколько нескладная и как бы растерянная фигура, лицо простодушное, почти глуповатое, взгляд открытый, но упрямый, признак настойчивости характера, нескладная, тугая, с трудом выжимаемая речь, русая голова, крестьянские согнутые рабочие руки, следы долгого пути на ногах, в лице спокойствие, покорность и в то же время какое-то изумленное выражение и еще неостывшее

недоумение перед случившимся. Подле стоял ребенок лет 12-ти с покорным тихим лицом.

— Ты новосел, переселенец российский? — пояснил я.

— Мы-те, мы расейские, точно... да вот у нас пашпорт...

— Погоди, как тебя занесло, милый человек, сюда в эту трущобу?

— Да мы местов под пчельник искали, будто тут места хороши, да покосить бы маненько...

— Где же вы жили, откуда ты попал сюда?

— С Бей, из Енисейской волости, из Пильны, там два года жили, да вот, говорят, тут пчельники... да и покос.

— Как же ты с мальчишкой пасеку хотел устраивать? Много ли у тебя денег было?

— Пятнадцать рублей, да пашпорт в узелке, значит, мы с мальчонкой у речки пить стали, мальчонко-то говорит: «Тятка, пойдем выше пить, тут поганый татарин пил». Ну, мы и пошли, а узелок-то на кочку положили. Поехали. Мальчонка говорит: «Тятка, узелок взял?» Я хватился, воротились к реке — платка нет, в платочке пашпорт, пятнадцать рублей было... Спрашивали татарку на покосе, говорит — не видела, а мы тут, значит, на кочке и оставили...

Сколько я ни расспрашивал, все выходило одно, то же подтверждал и мальчик, отдельно спрошенный. Для меня совершенно непонятна была эта небрежность, почти беспечность к самому дорогому имуществу.

— Скажи, пожалуйста, ну, зачем ты нес деньги и паспорт в платке, разве ты не знаешь вашего крестьянского обычая в мешочек зашивать да на ворота под рубахой держать. Вот я барин, да и то по-вашему научился делать, потому надежнее, видишь у меня мешочек на шее. Правду ли ты говоришь? Как же ты узелок этот в руках нес?

— Так в руках и нес. Мальчишка говорит, клади, тятка, на кочку, пойдем выше пить, татарин пил, мы и пошли...

Так я более и не мог ничего добиться. Близлежащий покос оказался вдобавок зайсана, инородческого родовича, начальника, человека богатого, и его сноха работала на покосе. Зайсан, узнав о подозрении, даже плюнул в мужика. Кебезень и его жители также не доверяли его рассказу и возмущались.

А между тем несомненно, что новосел не обманывал. Это было олицетворение простодушия. Какая-то непостижимая случайность произошла с ним, какое-то фатальное несчастье преследовало его.

Положение новосела было между тем критическое. Хотя он являлся истцом, но как беспаспортный находился под арестом, ему предстояло быть возвращенным за 100 верст в деревню, а потом, может быть, в Россию на местожительство.

Между тем новосел как будто не понимал своего положения.

После всех расспросов, препирательств и брани с зайсаном-инородцем он вдруг обратился ко мне с каким-то наивным, заискивающим взором:

— Ваше благородие, позволь мне поробить здесь пока, я бы им на покосе помог, деньжонок заработал... да и местов подыскал... Позволь!..

Наивность была поразительная.

— Любезный друг, спроси у них, пустят ли они тебя, ведь ты вооружил на себя все население, с зайсаном поссорился, а земли им принадлежат. Да, наконец, ты даже без паспорта.

— Позволь поробить!.. — слышался один ответ.

Сколько я ни убеждал переселенца, я видел один упрямый взгляд, подтверждавший решение во что бы то ни стало «отыскать место». Стремление переселенца, его юридическое положение и отношение к нему окружающих,— все это составляло такой гордиев узел и такую кашу, какую я привык встречать в наших колониционных местах.

Я лег спать, мечтая о выезде завтра в пустыню, но судьба переселенца не выходила из головы. Ведь надо же было этому пионеру колонизации забраться в эту тущобу, где мы, русские, с XVII столетия, то есть со времени похода Собанского, не могли поставить ни крепости, ни основать русского поселения, кроме жалких татарских хижин.

Сколько административных усилий было напряжено. Команды посылались, начиная с Шпрингера, и казачьи линии проводились, от Сайбыда по Бии пробовали дорогу пролагать, на Телецкое озеро при генерале Капцевиче казаков садили и магазин для рыбы строили. Ничего не привилось: магазин разрушился давно и озеро пустынно, дорог попрежнему нет.

И вот пришел теперь настоящий работник, виноградарь, истый завоеватель, земледelec с упорным трудом и мускулистыми руками: «Дайте поробить!» Что же мы с ним сделаем? А что как мы его отправим назад? Какое фатальное недоразумение! Какая ужасная судьба!

С какими средствами и силами, наконец, явился этот отважный завоеватель? Убогий, в одной рубахе и зипуне, на худенькой лошаденке, с ребенком на руках, один в глухих лесах, в грозной пустыне. Явиться при таких средствах разве это не героизм, равный безумию!

Он явился, не зная условий существования, в незнакомую среду, в селение, где вили себе гнездо только «хищники черни» и эксплуататоры инородца. Явился с девизом: «Позвольте поробить!»

Он пришел, может быть, преждевременно, как везде, проторяя дорогу. И тем не менее это все-таки настоящий завоеватель, это сила, он оснуется когда-нибудь здесь и будет ему принадлежать будущее, будут принадлежать леса и дебри. Недаром он шел из Воронежской губернии без средств, прося по дороге только «поробить». Прошел всю Россию и Сибирь и основался здесь. Такой человек не умрет с голода нигде. Везде нужны руки, везде «надо поробить» — это его вера.

Да, это не бродячий призрак Телецкого озера, не несчаст-

ный с куском золота, не знающий, что делать с ним в пустыне. У него нет золотого слитка, но есть золотые руки. Он не погибнет, не проклянет эти берега, потому что сумеет бросить вечное зерно в почву и возрастить колос. Это дороже золота!

В смутных грезах мне виделся уже не убогий мужичонка, но титан — русский народ, пробивающий упорно путь себе через леса и урманы на заколдованное Телецкое озеро.

Мать-пустыня! Когда же, когда ты дашь приют этому труженнику!

«Восточное обозрение», 1882, № 1.

НА ЧУЖБИНЕ

(Из исповеди абсентеиста)

И я, заплакавши, назад
Поехал снова на чужбину.

Шевченко

С особенным чувством загадочной грусти я смотрю каждый учебный семестр на молодых сибиряков, по окончании курса возвращающихся служить на родину. И благословить их хочется, и жутко за них. Что-то ждет их там, что-то им даст эта родина... Но еще сильнее сжимается мое сердце, когда я вижу молодого человека, бегущего с родины, искалеченного, измученного в неравной борьбе и смотрящего на меня с укором. «Ты призывал нас, ты рисовал нам родину цветущей и обольстительной», говорит этот укоризненный взгляд: «Смотри же — вот израненная грудь, а вот и разбитое сердце!»

Я не говорю о тех благоразумно-равнодушных, которые не знали никаких чувств к родине, не переживали никакой драмы и, прикрываясь теми или другими мотивами, оставались, где им нравилось. Это был «отрезанный ломоть» от нас. Но драма любви так знакома моему сердцу, и я сам переживал ее. Вот что когда-то писалось в моем дневнике.

* * *

Нет!.. Тяжело, тесно, душно, невыносимо и, главное, нет и не видно рассвета. Тяжело так, что можно умереть. Дело бы за этим не стало. Но является вопрос: умереть среди людей, которые не поймут твоей смерти, которым все равно, живешь ли ты среди них или нет, умереть там, где все манило тебя с раннего детства, где, казалось, так много дорогого и где теперь — пред внутренними очами — ничего, кроме мрака, холода, застоя и плесени жизни, ничего, кроме ликующего эгоизма и хищничества, захватывающего себе будущее!.. Умереть и уничтожиться без следа, без всякой памяти, не заложив зерна из области нравственно-духовного суще-